

В этот момент порыв ветра влетел в окно, растрепав пряди волос на лбу Пей Чжо и почти скрыв его отстраненный взгляд. Ресницы его чуть дрогнули, отбрасывая короткую тень на лицо.

Цзян Нинье пристально смотрел на него, сделав шаг вперед. Пожалуй, дистанция стала слишком интимной, и Пей Чжо смущенно отступил на полшага. Однако позади него находились перила высотой по пояс, отступить было некуда.

На глазах у всех Цзян Нинье словно в наваждении протянул руку и поправил ему сбившиеся волосы.

В первый день 2021 года маленький Пей и маленький Цзян вместе желают вам, милые читатели, исполнения всех заветных желаний. Продолжайте смело открывать возможности этого мира, обнимая любовь и надежду!

Рыба в пруду (11)

На аллее Ланьтин А-Чжань внимательно рассматривал всевозможные диковинки, разложенные торговцами на прилавках. Вдруг, уловив движение воздуха, он протянул руку и поймал нечто черное, упавшее сверху.

Это было ручное зеркальце из глазури: стоило изменить угол наклона хоть на дюйм, как причудливые узоры на пестрой поверхности менялись.

Для А-Чжаня, привыкшего к иным краям, эта обычная для Восточных земель вещь казалась невероятной редкостью. Он обернулся и увидел Ли Шуи, который великодушно произнес:

— Не стесняйся, это тебе.

Уголки рта А-Чжаня только начали расползаться в улыбке, как Ли Шуи добавил:

— И подумать только, такие девчачьи безделушки — а тебе так нравятся.

А-Чжань не обиделся. Поразмыслив, он спрятал зеркальце за пазуху и, сжав кулаки, шутливо набросился на Ли Шуи.

Пей Чжо и Цзян Нинье шли позади, наблюдая, как эти двое юношей пробираются сквозь толпу, догоняя друг друга, полные жизненной энергии. Пей Чжо безо всякой причины вспомнил, как в башне Цзичуань теплые пальцы едва ощутимо скользнули по его уху.

— Кстати, — Цзян Нинье помахивал бумажным веером, — родные той девушки уже

обустроились в Бинчжоу.

— Ваше Высочество проявили дальновидность. Цзюйхуанчжэнь слишком близко, там легко навлечь на себя неприятности. Переезд в Бинчжоу — верное решение, — Пей Чжо слегка кивнул.

Помолчав мгновение, Цзян Нинъе продолжил:

— Кан Ченли привык вести себя нагло и высокомерно — точь-в-точь как вся та нечисть.

— А-Чжо, — он едва слышно вздохнул. — Даже самая чистая вода, влитая в чернильницу, станет черной, как смоль.

— Я не понимаю, что имеет в виду Ваше Высочество, — ответил Пей Чжо.

— А вы с Чжун Цзяньбо не старые знакомые? — в его фениксовых глазах читалось неприкрытое любопытство.

Пей Чжо посмотрел вперед и признался:

— Несколько лет назад мы виделись пару раз.

— В Школе Цанлинь? — Цзян Нинъе говорил не спеша, но в его тоне чувствовалось возрастающее давление.

Пей Чжо кивнул:

— Господин Чжун прежде служил в Академии Ханьлинь, тогда он несколько раз читал лекции.

Это была правда, и Цзян Нинъе, вероятно, уже давно все проверил.

— Тогда вы знаете и Кана Ченли? Он тоже говорил, что был учеником Чжун Цзяньбо.

— Виделись пару раз, близко не знакомы.

— А-Чжо хочет сказать, что степень вашей близости с Каном Ченли такая же, как со мной?

На мосту Чантин Пей Чжо остановился. На этот раз он не стал избегать взгляда Цзян Нинъе, а, наоборот, серьезно посмотрел в ответ:

— Что именно Ваше Высочество хочет спросить?

Цзян Нинье искренне ответил:

— Просто любопытно, что произошло в те годы.

— У Ваше Высочества при себе есть генерал Юньхуэй, достаточно спросить его, и вы все узнаете.

В фениксовых глазах промелькнула обида:

— У Ду Шуня плохая память, куда ему тягаться с А-Чжо.

Сердце Пей Чжо смягчилось, но он сдержался и молча зашагал вперед.

Цзян Нинье взмахнул веером и догнал его:

— А-Чжо, эти слова ведь ты сам о себе сказал, верно?

Сгущались сумерки, огни отражались в полной луне. Красный павильон Хунгуань был, как всегда, оживлен и полон суеты.

— Чжун Цзяньбо... не похож на человека из секты Цинчжу, — Цзун Ин закрыла окно, отрезая комнату от густого лунного света.

Внутри вся стена была заставлена свитками, пахло тушью — совсем как в прежние времена.

Увидев, что Пей Чжо смотрит на ряды книг, Цзун Ин слегка улыбнулась:

— Убранство этой пустой комнаты никогда не менялось. Когда Ваше Высочество приходил сюда, он тоже любил оставаться здесь на ночь.

— Правда? — Пей Чжо немного растерялся.

— Мне приходилось уступать ему комнату, а самой уходить пить вино наверх, — пожаловалась Цзун Ин.

Пей Чжо опомнился:

— Я не...

Цзун Ин перебила его:

— Не говори, что не при чем. Я еще тогда все поняла.

В мерцании свечей Пей Чжо замер и смолчал.

— Он знает? — спросила Цзун Ин.

— Это уже неважно, — Пей Чжо неестественно отвел взгляд, возвращаясь к началу разговора.
— Если Чжун Цзяньбо не из секты Цинчжу, почему он так печется о событиях девятого года Чжаовэнь?

— Возможно, из уважения к нашим учительным связям, — насмешливо бросила Цзун Ин. — Вот только перед самым началом дела о хуле на богов он услышал слухи и среди ночи сбежал обратно в родные края. А теперь заявляет, что беспокоится о ком-то — право слово, смешно.

— Он бывал в павильоне Хунгуань?

Цзун Ин покачала головой и поджала губы:

— Никогда не видела. Но гости поговаривают, что этот господин Чжун хоть и молод, да даровит, но держится высокомерно, эгоистичен, и репутация у него плохая.

— Впрочем, сейчас мало у кого репутация безупречна. Кроме тех пустозвонов-аристократов, которые угодят каждому, любой за спиной судачит о других, особенно в таком месте, как Хунгуань.

Когда Пей Чжо вышел за ворота павильона, слова Цзун Ин все еще звучали в ушах:

— ...Находятся даже смельчаки, распускающие слухи о Вашем Высочестве, мол, он расточителен и развратен, что лишь поощряет наглость столичных бездельников. Когда Управление Юси пришло с арестами, девица Цзяоцзяо специально приходила просить их отпустить. Ваше Высочество великодушен, не стал с ними спорить, а лишь в ответ спросил: разве это не правда? После этого слухи поползли еще быстрее.

Мысли прервались. Пей Чжо повернулся и боковым зрением заметил знакомую фигуру. Тот не заметил его, будучи полностью поглощенным заигрыванием с прекрасной красавицей.

У реки Чуаньцин красавица внезапно с силой ударила мужчину веером по лицу, оставив ярко-красный след. Красавица ушла, взмахнув рукавом, а мужчина последовал за ней, с таким алчным и подбострастным видом, что был похож на... собаку, выпрашивающую еду.

Пей Чжо отвел взгляд, чувствуя удивление. Не успев обдумать увиденное, он увидел, как дорогу преградил роскошный паланкин.

Бумажный веер лениво отодвинул занавеску. Цзян Нинъе посмотрел на него и тихо вздохнул, пробормотав про себя:

— Похоже, девица Цзун не оставит меня сегодня.

Услышав это, Пей Чжо испытал смешанные чувства. Было одновременно смешно и горько. Когда эмоции переплетались, обилие диковинок вокруг заставляло чувствовать себя как в тумане. В огромном Городе Цзи он везде наткался на Цзян Нинъе.

Он действительно не хотел с ним встречаться.

Однако неизвестно, как вышло, что они в итоге пошли плечом к плечу.

Возможно, из-за долгого молчания Пей Чжо неожиданно произнес:

— Я видел в павильоне Хунгуань главу секретариата.

— Хань Цзиня? — оценил Цзян Нинъе. — В Государстве Тан мест увеселений, где он не бывал, можно по пальцам пересчитать.

Заметив удивление Пей Чжо, Цзян Нинъе моргнул:

— А-Чжо хочет знать?

Сердце Пей Чжо дрогнуло. И действительно, Цзян Нинъе продолжил:

— У меня слабое здоровье, и я обычно не запоминаю разное, но иногда до меня доходят слухи. Если А-Чжо согласится на одну просьбу...

— Говорите, — Пей Чжо помолчал и ответил.

— В следующем месяце в павильоне Хунгуань большой весенний банкет, — в фениксовых глазах блеснула хитринка. — А-Чжо не хочет прийти посмотреть?

К удивлению Пей Чжо, он согласился сразу:

— По приглашению Вашего Высочества — для меня большая честь.

В конце он посмотрел в глаза Цзян Нинъе и добавил:

— Итак, что же слышало Ваше Высочество?

Цзян Нинъе замер под его взглядом, внезапно захотев пристальнее рассмотреть эти бездонные черные глаза. Он зевнул, чтобы скрыть смущение, и неторопливо произнес:

— Внешне Хань Цзинь не ладит с кликой Чжан Жоханя, но это не значит, что он чист на руку. Просто у господина Ханя плохая слава в борделях: он скуп и часто берет в долг... В конце концов, господин Хань чист в своих стремлениях, откуда ему взять денег на развлечения?

— Управление Юси, — Пей Чжо нахмурился.

— Именно. В прошлом году он инспектировал Бинчжоу и выкупил из борделя женщину, чтобы сделать ее наложницей. Но та стоила очень дорого, он смог оплатить лишь половину, а остальное... Управление Юси помогло ему скрыть долг. Императорский брат предпочел закрыть глаза, а Контрольная палата не посмела лишнего сказать.

Пей Чжо тихо произнес:

— Однако Хань Цзинь не оценил доброты.

— Одного поля ягоды, хотя иногда они делятся на пушистых и безволосых, а среди пушистых еще надо различать черных и белых, — Цзян Нинье приподнял бровь. — Я думал, А-Чжо знает об этом лучше меня.

Пей Чжо, несший фонарь, внезапно остановился.

Цзян Нинье подумал, что его слова попали в точку, но Пей Чжо никак не отреагировал. Пока он не проследил за взглядом Пей Чжо и не увидел в конце восточной стороны дороги отряд людей в черном, выстроившихся в ряд, словно на патрулировании. Они двигались бесшумно и быстро, скользили, словно призраки.

— Это тайная стража Храма Бога Дракона, — Цзян Нинье сразу узнал их.

Пей Чжо на мгновение напрягся:

— Они тоже отвечают за патрулирование?

— Нет. Тайная стража подчиняется Ведомству зывания к небесам и отвечает за безопасность Храма Бога Дракона. Только один день в году они участвуют в патрулировании вместе с Управлением Юси и Императорской гвардией.

— ...Один день в году? — повторил Пей Чжо. Половина его лица была в тени, и выражение оставалось неясным.

Цзян Нинье многозначительно уставился на него, выговаривая по слогам:

— Семнадцатый день второго месяца девятого года Чжаовэнь, час вей: последний человек, причастный к делу о хуле на богов, был казнен в переулке Куанье на юге города.

На мгновение Цзян Нинъе уловил внезапно вспыхнувшую враждебность в черных зрачках Пей Чжо. Однако, когда тот слегка поднял голову, его глаза снова стали спокойными, как глубокий омут.

— С тех пор каждый год в этот день кто-то бродит по улицам и распевает старинную песню, — медленно произнес Цзян Нинъе.

Год за годом.

Даже зная о трагическом финале в случае обнаружения, всегда находились те, кто шел следом. Глупцы.

— Они по очереди патрулируют каждую улицу, не упуская ни следа, — в глазах Цзян Нинъе сквозило презрение. — Как муравьи, почуяли запах и побежали.

Пей Чжо слышал шум ветра. Он повернулся — путь, по которому они пришли, тонул во тьме. Если посмотреть вдаль, огни светились так же ярко, как и за спиной.

Сильный ветер подхватил слова старой песни. Пролетая через павильон Хунгуань, мост Чантин, следуя по аллее Ланьтин и дороге Белой Лошади, он поднимал пыль под лунным светом.

Он слышал.

— ...Деревья шумят, ветер дует вдаль.

Соберите мои кости у Инхая.

Трава колышется, знамя душ летит.

Слагаю долгую песнь, обращенную к небу...

Цзян Нинъе опустил глаза, тихо подпевая заунывным словам, звучавшим в ушах.

Неизвестно когда пошел мелкий дождь. Шум дождя по карнизам не мог заглушить далекую песню, доносившуюся с запада.

— А-Чжо, — Цзян Нинъе посмотрел на темное небо над карнизом. — Как думаешь, они группа дураков?

— Возможно, — взгляд Пей Чжо был мрачен, он все еще смотрел в конец пустой дороги.

— А может, день, который они ждут, уже близок, — волосы Цзян Нинъе слегка намочили от дождя, и он небрежно тронул уголки губ.

Пей Чжо замер. К чему это он... Но увидел, что Цзян Нинъе развернулся и, не оглядываясь, зашагал к распахнутым воротам поместья. Цзяоцзяо держала фонарь, ожидая у каменной статуи дракона. Ее взгляд встретился с Пей Чжо, она мельком взглянула на него и тут же опустила глаза.

Пей Чжо не видел, что лицо Цзян Нинъе побледнело, и лишь войдя в ворота, он нахмурился.

— У Вашего Высочества снова болит голова? — беспокоилась Цзяоцзяо.

— Каждый раз, когда она болит, он рядом, — фыркнул Цзян Нинъе. — Не иначе как дурной знак.

— ...Ваше Высочество говорит о господине Пей?

— А кто еще, кроме этого человека, совсем не похожего на живого? Целыми днями изображает из себя не пойми что, а сам себе на уме.

Цзяоцзяо засомневалась и спросила:

— Если Ваше Высочество так его не любит, зачем постоянно его искать? Мне кажется, этот господин Пей немногословен и двух слов связать не может.

Цзян Нинъе не ответил. Он невольно вспомнил, как в башне Цзичуань Пей Чжо смотрел на него. В тот миг он ясно увидел, что в этих спокойных, как вода, глазах затаилась бесконечная боль. Эта боль оживила холодные и ясные черты лица Пей Чжо, и в одно мгновение Цзян Нинъе показалось, что он подошел вплотную к ответу, который искал все это время.

Он поднял голову — холодный дождь давно скрыл яркую луну. Осталась лишь эта песня, тоскливая и ледяная, снова и снова звучащая на всех улицах и переулках Города Цзи.

...Дикие просторы, ветер дует вдаль. Под стенами города кубки опрокинуты.

Воды бурлят, знамя душ летит. Ты плачешь, но волю не забыл.

...

Деревья шумят, ветер дует вдаль. Соберите мои кости у Инхая.

Трава колыхнется, знамя душ летит. Пою песнь, обращенную к небу.

Ныне здесь знамена войны реют. Воля жива, никогда не забуду.

Рыба в пруду (12)

В конце весны в Городе Цзи царило оживление. Все знали, что в павильоне Хунгуань проходит весенний банкет и ежегодное состязание на мечах «Фэнхуа», поэтому соседние улицы были забиты до отказа — всем хотелось хоть одним глазком взглянуть на героическую осанку воинов, отражавшуюся в бирюзовых волнах реки Цзяньхэ.

Сегодня — праздник Фэнхуа, испытание мечом вместе с тобой.

Хотя Хунгуань был местом развлечений, главное здание отличалось грандиозностью и было одним из самых солидных торговых домов Города Цзи; его резные драконы на карнизах были видны издалека. Шесть красных ворот, инкрустированных глазурованным нефритом и обращенных к улице, были широко распахнуты. Второй этаж начинался с красных перил высотой по пояс; лак был плотным, но не грубым, ярким, но не вульгарным — точь-в-точь как лепестки красной хризантемы под лучами заката. На перилах располагались золотые окна с изумрудными вставками, обычно распахнутые. У основания перил шел желоб шириной в два кулака для сбора дождевой воды.

С самого высокого, пятого этажа, можно было окинуть взором весь город, а плывущие облака и лазурное небо, отражаясь сверху, создавали ощущение покоя в самом сердце шумного города. Пить вино, глядя на облака за таким деревянным столом, было истинным удовольствием.

Едва карета Пей Чжо остановилась у входа, его встретила Цзяоцзяо.

— Господин Пей, прошу за мной.

Она поклонилась, за ее спиной росла сливовая береза, окруженная забором. Снаружи Хунгуань был обсажен сливами, но только это дерево охраняли особенно тщательно. Оно было значительно выше обычных слив, но цветы давно опали, оставив лишь молодые побеги.

Мальчик с прической в виде узлов стоял у забора, глядя на зеленые ветви. Стоило ему поднять руку, как женщина рядом подхватила его и прошептала с укором:

— Не трогай! Это посадила сама хозяйка, за сорванную ветку можно и головы лишиться.

А-Чжань, сложив руки на груди, следовал за Пей Чжо и, взглянув на дерево, пробормотал:

— Ничего особенного.

В тот вечер, когда он впервые попал сюда, он тоже не нашел в нем ничего примечательного.

Сегодня в Хунгуане было намного тише, чем обычно. Красавицы, обычно встречавшие гостей, словно исчезли в одночасье, превратившись в вежливых служанок и слуг, прислуживавших высокопоставленным гостям.

Цзяоцзяо проводила Пей Чжо на тихий пятый этаж и остановилась у лестницы. За тонкой шелковой занавеской послышался голос, словно пропитанный дождем и приправленный смешком:

— А-Чжо, ты так поздно?

— ...Задержался в пути.

— Хорошо, я не стану тебя мучить.

Цзян Нинье, опираясь подбородком на веер, смотрел из окна на пейзаж.

Оттуда открывался вид на реку Цзяньхэ, и можно было сразу увидеть мост Чантин, перекинутый через нее. Черно-синий камень, лакированные красные перила — неведомый мастер вырезал на них самый модный сложный узор. Под мостом плескались чистые, живые волны.

Берег был забит людьми, которые смотрели на юношу, стоявшего в одиночестве на мосту. Его черные волосы были собраны, черты лица — изящны и дерзки. Это был не кто иной, как Ли Шуи.

Загремели барабаны.

Он держал длинный меч, не сводя глаз с его острия. Вдруг, развернувшись, он подпрыгнул, и острие меча подняло столб брызг. Затем, едва коснувшись поверхности воды, он, оттолкнувшись, развернулся и нанес удар мечом — ци меча вынудила воду превратиться в подобие ледяной стены.

Восторженные крики вокруг нахлынули, как волна, обволакивая его меч.

А-Чжань, взобравшись на подоконник, загорелся желанием похлопать в ладоши. В этот момент Ли Шуи, словно почувствовав его взгляд, слегка поднял голову и вызывающе направил кончик меча в воздух.

Пей Чжо, увидев горящий взгляд А-Чжана, беспомощно произнес:

— Иди.

Едва он договорил, как иноземный юноша нетерпеливо спрыгнул из окна.

Весь этаж опустел, остались только они двое.

— А-Чжо, ты не встречал знакомых по пути? — первым начал Цзян Нинье, как бы ведя

светскую беседу.

— Нет.

— На сегодняшнем празднике присутствуют и господин Чжан, и господин Хань, — Цзян Нинье улыбнулся, прищулив глаза. — Не смотри, что господин Хань боится жену, он завсегдатай Хунгуаня, даже девица Цзун видела его несколько раз.

Пока он говорил, на противоположной стороне, на втором этаже, женщина у перил подняла голову и посмотрела на них издалека. Цзун Ин сегодня была в редком для нее алом наряде, который делал ее тысячи чар острыми, как меч.

Пей Чжо внезапно спросил:

— Ваше Высочество любит такие места?

— Что? — Цзян Нинье поднял глаза, на мгновение задумавшись. — Кто не любит такой оживленности?

Он тут же добавил:

— Должно быть, А-Чжо уже насмотрелся на такое.

— Никогда, — глухо ответил Пей Чжо.

— А-Чжо, должно быть, знает, что Хунгуань — это бывшая площадка Школы Цанлинь, называвшаяся Башней Покрытого Снегом Зеркала. Пожар девятого года Чжаовэнь прошел от поместья Пей до самого сюда, оставив лишь руины и выжженную землю. Теперь здесь больше не звучит чтение книг, только развратные песни да пошлые танцы, — на красивом лице промелькнула насмешка, и невозмутимость собеседника треснула под этими словами.

— Перед тем пожаром в столице впервые проводили состязание «Фэнхуа», А-Чжо, помнишь, кто занял первое место? — его фениксовые глаза были чисты, как вода, словно он и вправду был невинным юношей.

Пей Чжо смотрел на дерущиеся фигуры на мосту Чантин, которые постепенно сливались с воспоминаниями. Он сжал руки и ответил:

— Вы, Ваше Высочество.

Цзян Нинье громко рассмеялся, и этот смех показался Пей Чжо особенно режущим слух. Он повернулся к Цзян Нинье и увидел, что тот держит чашку с улыбкой на лице. Взгляд Пей Чжо стал острым: лишь присмотревшись, можно было заметить, что правая рука, державшая чашку, слегка дрожит.

Горячий чай плеснул и капнул на стол.

Цзян Нинье с сожалением сказал:

— Это лучший «Весенний лист Нинъань» этого года, собранный после первого весеннего дождя у озера Осенней Луны.

Пей Чжо, разумеется, знал, что из первосортного «Весеннего листа Нинъань» за весну можно получить лишь триста с лишним листьев, пригодных для чая, и один лист стоит сто золотых. А вода для этого чая должна быть утренней росой с того же озера.

Только он отчетливо помнил: Цзян Нинье раньше не любил чай.

— Я невежественен и не чувствую разницы, — сказал Пей Чжо.

— Разница огромна, — рассмеялся Цзян Нинье. — Первосортный чай оставляет во рту легкое, освежающее послевкусие, а сорта пониже — лишь приторную сладость. Жаль, удастся выпить его лишь раз в год.

Пей Чжо опустил глаза, глядя на прозрачный чай, в котором отражались облака.

— Если не обращать внимания на сезон, Ваше Высочество, возможно, тоже от этого устал бы.

Цзян Нинье приподнял веки:

— Верно. Редкости ценны именно своей редкостью. Как «Изумрудная капуста» в башне Цзичуань, сливовые деревья в разломе Юньчжоу, красавицы в Хунгуане...

<http://bllate.org/book/21168/2144695>